

Ольга Аникина

БЕЛАЯ ОБЕЗЬЯНА,
ЧЁРНЫЙ ЭКРАН

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

3 марта 2023 г.

...Дзынь! Ку-ку. Дзынь! Ку-ку.

Если в доме на стене висят часы с кукушкой, значит, этому дому много лет. В современных квартирах не бывает таких часов.

Наверное, и время в этих квартирах течёт совсем по-другому. Гораздо быстрее. А в нашей – медленно.

Кукушка, отсчитав последний положенный час, ныряет обратно, в темноту. Представляю себе часы изнутри: вижу тёмный маленький коробок, где уютится гладкое, покрытое тусклым лаком птичье тельце. К нему плотно прижата игрушечная головка, плотно сложены крылья, крепящиеся на кольчатых пружинах. Клюв закрыт, птица неподвижна, она спит или слушает отголоски слабых вибраций собственного крика. Шестерёнки и стрелки отрезают ровные промежутки секунд, секунды сыплются на пол, словно обломки. Мы поднимаем гирьку маятника каждый день в одно и то же время. Чтобы получать секунды, часы и дни, надо «кормить» кукушку.

Через полчаса мне нужно готовить еду для другой моей подопечной. Днём – полдник, кисель. Вечером – толчёный картофель и мясное пюре. Утром – каша. Строго по расписанию.

Прохожу на кухню, включаю чайник. Эмалированный, со свистком. Бывает, чайник пересвистывается с кукушкой, и я очень этому рад. Хорошо, когда у тебя есть собеседник. Бывает так, что гудение, свист и кукование – важнее слов. Наполненной, чем слова.

Прохожу обратно в комнату. Звуки: кукушка, чайник, мои шаги. Ещё будет стук клавиш. Так, так, так. Тихий, щёлкающий звук. Печатные машинки перевелись, вымерли – но мне больше нравится, как стучит клавиатура компьютера. На компьютере печатать может кто угодно, и текст может быть каким угодно. Дневник, переписка или финансовый отчёт. А могут быть такие записи, которые веду я.

Меня зовут Юра. Юрий Иванович Храмцов. Раньше я был врачом, а сейчас работаю сиделкой. Сидельцем. Ухаживаю за тяжёлыми больными. Меняю памперсы, мою своих подопечных, кормлю. Делаю всё, что должен уметь хороший медбрат, и плюс к тому – если больной собирается вдруг помереть, оказываю ему экстренную помощь. Работаю в этой сфере всего три года, однако в своей области я спец. Ещё не старик, но ни на какую другую работу уже не соглашусь. Потому что я здесь не случайно, и я буду здесь, пока нужен.

Не подумайте, что я в свои пятьдесят бросил работу по специальности, опустил, деградировал. Всё случилось совсем не так. Я не одинок, хотя ста-

рый друг и бывшая жена со мной почти не общаются.

Ложечка позвякивает о края чашки. Пить несладкий чай так и не научился. Размешиваю в нём пол-ложки мёда. Удивляюсь: сейчас можно выбрать любой сорт и мёда, и чая. Однажды я попробовал чайное пойло со вкусом дыма. Пьёшь его – и кажется, что жуёшь головешку из костра. А в детстве у нас было только два вида чая. Считалось, что в жёлтой пачке со слоном хранится самый лучший и самый душистый чай номер один. Но были ещё зелёные бумажные упаковки, был цейлонский – однако до девяностых в нашем доме он не водился. Я всегда был неприхотлив, потому что моё детство пришлось на период, когда достать хорошие продукты было нелегко.

Кисель согрелся, но подопечная спала, и я не стал её будить. «Проснитесь, выпейте снотворное». Когда я работал врачом, всегда морщился, слыша подобные остроты. Нет. Не разбужу. Пусть поспит.

В доме уже несколько дней холод. Что-то с батареями отопления. Для старых домов обычное дело. Звонил в ЖЭУ – сказали, что на первом этаже, в пустующей квартире, прорвало трубу. Нужно утепляться, жечь электричество. От местного обогревателя в комнате сохнет воздух. Ночью подопечная кашляла. Я испугался: может, это вирус? Поставил у изголовья кровати банки с водой. Купил в аптеке морской спрей. Сделал ей две-три ингаляции. Кашлять перестала. Притащил из дома обогреватель, масляный, тяжёлый. Если включить его на полную мощность, другие электроприборы лучше не трогать – вышибет пробки. Вот и греемся как можем.

Мне-то ещё ничего. Я могу ходить из комнаты в комнату, закутавшись в одеяло. Могу литрами пить чай с мёдом. Отжаться от пола пятнадцать раз – вполне ещё могу.

Поменял ей грелку, подложил под ноги. Прикоснулся к кончику её носа. Так мы щупали нос Сашке, когда он в младенчестве спал в коляске на улице. Отличный способ проверить, не замёрз ли ребёнок. Вроде бы нос у неё был тёплый, но я притащил из соседней комнаты ещё одно одеяло. Чем хороши квартиры стариков – в них всегда неограниченное количество подушек и одеял.

Ничего, скоро потеплеет. Так я зимой всегда утешаю сам себя. А нынче март. Пусть даже холодный месяц, но март – уже весна. Все, кто доживает до весны, могут чувствовать себя героями. Нет ничего стыдного чувствовать себя героем. Это не гордыня. Это – предчувствие праздника. «Человек создан для счастья». Я уже совсем по-другому понимаю эту фразу. Я наконец додумался до её смысла. Смысл в том, что человек, появившись на свет, всю жизнь учится быть счастливым. Поначалу кажется: речь о свободе действий или свободе ощущений. Бывает, приходишь к выводу: дело в количестве вещей, которыми ты можешь управлять. Иногда пытаешься перевести неясное чувство в более материальный эквивалент, например в деньги. Порой радуешься, когда находишь в себе силы от всего отказаться. Сперва я отождествлял счастье с самим собой: с собственной силой, собственным разумом, с собственной любовью. Набивал своё «я» доверху, пока оно не лопнуло по швам.

Потому что не может быть счастье внутри человека. Всегда оно где-то снаружи. Иначе бы человек не рождался для него.

Мой график работы в последний год – довольно стабильный: два через три. По выходным я тоже целыми днями занят: разбираю архив, который принадлежит не кому-нибудь, а профессору В., знаменитому психиатру. Несколько раз в неделю прихожу в квартиру его дочери. Присматриваю за помещением, раз в полгода вызываю уборщиц. Клининг-службу, так теперь принято называть.

Обхожу комнаты. Открываю и закрываю дверцу шкафчика из карельской берёзы. Касаюсь жёлтого абажура с китайскими драконами; он поразительно быстро собирает на себя пыль. Долго стою перед репродукцией картины, знакомой с детства, и каждый раз поражаюсь, как удалось художнику передать фактуру полупрозрачной ткани ягод-виноградин, сквозь которые просвечивает южное солнце.

Но основная моя работа – архив. Архив огромен: всё кладовое помещение (Э. Д. называла его «подсобка») забито стоящими друг на друге чемоданами. Архив самого профессора – чемоданы, обшитые драным сукном, или советские, с металлическими заклёпками. Архив дочери – дешёвые тканевые сумки, забитые бумагами картонные ящики из ИКЕА, а ещё – бумажные папки с надписью «Дело №», связанные шнурами.

Моя задача – отделить научные статьи от обычных заметок, дневники – от писем. Разложить по категориям: что-то на продажу, что-то перепечатать и оформить в виде книги. Копии историй болезни

самых интересных пациентов я складываю в отдельную стопку. Никто лучше меня не смог бы это сделать. Ведь я – бывший врач и бывший пациент.

Доктора Давыда Осиповича В. называют светилом отечественной психиатрии. Но для меня важно не это. Я очень многим обязан семье профессора и ему самому. Никогда не знал его лично, и так уж получилось, что знакомился я с ним по мере расшифровки его записей. Но теперь, когда архив почти полностью мной разобран и изучен, могу с уверенностью сказать, что вся моя жизнь как есть строится на его философии, взглядах и вере. Он дал мне опору, такую, на которую я в своё время не мог и рассчитывать. Она прочнее человеческого разума, она способна противостоять ужасу пережитой вины и грядущему беспросветному одиночеству.

В одной из картонных «икеевских» коробок год назад ещё я обнаружил мою собственную историю болезни. Никакой потрясающей информации я там не нашёл: стандартная схема назначения препаратов, дневник наблюдения с пунктуально прописанными значениями пульса, давления, температуры тела. Копия документа, похожая на многие другие. Но меня повергли в трепет аккуратно сброшюрованные распечатанные листы А4, заполненные мелким текстом, с редкими карандашными пометками на полях. Э. Д., которая делала пометки, относилась к тексту со всей возможной деликатностью, каким бы корявым ни было моё повествование. Э. Д. – человек, которого я уважал и любил.

Листы были напечатаны почти четыре года назад, во время моей болезни. Автор текстов – я сам.

Писал я их по заданию Э. Д. Сейчас, переступив определённый временной и духовный рубеж, я даже наедине с самим собой порою испытываю чувство неловкости, вспоминая тот период своей жизни. Но именно такой путь и был мне предназначен. Душевная болезнь – не тот диагноз, которого я сейчас боюсь. Малодушие – это когда у человека мало души. Вот чего я страшусь на самом деле. Мало души, и человек не может заполнить ею всё своё счастье и всё горе. Примерно то же происходит, когда нужно сделать важную покупку, а денег в обрез. И потом оказывается, что по дешёвке ты купил совершенно ненужную вещь.

Я счёл правильным поднять собственные записи и восстановить их последовательность. Я соединил в правильном порядке не только заметки, найденные в архиве семьи доктора В. Довольно много текстов тех лет было скопировано в мемори-банк моего домашнего компьютера и лежало там по сей день. За эти годы я ни разу не возвратился к ним. Не исправил в них ни строчки. Может быть, боялся боли. Но позавчера, когда я перебирал страницы, пробитые дыроколом и скреплённые скобами пластиковой папки, мой взгляд пробежал по знакомым строчкам, и сердцу было легко.

Добавил к заданиям Э. Д. куски из файлов, где записывал мысли, не имеющие отношения непосредственно к истории моей болезни. Или те абзацы, которые я по той или иной причине не захотел показать Э. Д. Может быть, в своё время я счёл их неважными, но всё равно сохранил. Эти страницы дороги мне тем, что в них очень много воспоминаний про

маму Надю: пожалуй, именно их я стеснялся раньше. Будучи взрослым мужчиной и отличным специалистом в своём деле, я считал нелепым постоянно возвращаться к детским переживаниям. Но, записав их в текстовом редакторе, я как будто от них освободился и многое позабыл. Просматривая эти файлы сейчас, я нахожу там массу интересного.

Представленные здесь заметки нельзя читать, не добавив к ним важную составляющую: наши разговоры с Э. Д. Конечно, я восстанавливал их по памяти. Не приукрашивая, записывал всё, что вспомнилось. А вспомнил я не много. Надеюсь, тогда, когда я пытался воспроизвести её реплики, моя собеседница находилась со мною рядом и правила текст. Даже не надеюсь, а уверен в этом. Некоторым образом моя история – дань уважения и любви к Э. Д. Она, безусловно, знала обо мне больше, чем я сам.

Мои тексты не являются обычным сборником интересных врачебных историй, притом, что почти каждая ситуация, описанная мной, содержит в себе довольно любопытный медицинский случай. Также я не хочу, чтобы мои небольшие рассказы читались как «записки сумасшедшего». Хотя некоторое время назад я, безусловно, был им. Вернее сказать, моя нервная система надорвалась под тяжестью постоянного ожидания подступающего ко мне ужаса, я был измучен одиночеством и чрезмерной, требующей повышенной ответственности работой. В те годы я пытался брать определённую высоту, и делал это только затем, чтобы, приземлившись, разбиться насмерть. Моё состояние казалось мне чем-то уникальным.

Но сегодня я знаю, что каждый человек, которого я встречаю на улице, когда-нибудь в жизни переживает такое. Такое или что-то не менее горькое и мучительное. Теряет землю под ногами, хватается воздух посиневшим ртом. А потом делает вдох. В этом вдохе – вся жизнь. Это и есть способ дожить до весны.

5 марта 2023 г.

Когда я познакомился с Э. Д., я работал диагностом, и пусть моё дело было невеликим, но всё-таки оно играло важную роль в непрерывном больничном конвейере: от меня требовалось поставить правильный диагноз. Сама профессия диагноста предполагает некое подчинённое положение. Альфа-самцы от медицины, например хирурги, не считают нас за врачей, ведь мы мало что можем без своей аппаратуры. Мы не назначаем лекарств, не держим в руках скальпель. Но умение видеть стоит того. Даже не видеть, а разглядывать детали, фиксировать малейшие изменения. Например, очень здорово разглядывать кукушку, сидящую внутри настенных часов, когда никто другой её не замечает.

Но в детстве, когда меня спрашивали: «Кем ты хочешь стать?» – я говорил: «Хозяином музея». У мамы Нади в доме стоял шкаф, снизу доверху забитый разными художественными альбомами, которые сама она пролистывала крайне редко. Там было всё, от тяжёлых талмудов «Всеобщей истории искусств» до бесчисленных каталогов Государственного Эрмитажа и книжек, купленных на

маленьких выставках. Много финских открыток и брошюр; наверное, выставки финских художников проходили в Ленинграде чаще других. До сих пор помню отдельные репродукции, и ярче всего – ужасных героев Хуго Симберга, от которых я не мог отвести глаз: злобных мальчиков, похожих на маленьких гробовщиков, и полумёртвого ангела на носилках. Помню старуху с круглым брюхом и старым обветренным лицом. Особую лютость её лицу придавала выпяченная нижняя челюсть. Перед старухой сидела кошка, такая же облезлая и старая. Я смотрел и смотрел на них, не отрываясь: вот бабка сейчас наклонится к кошке и свернёт ей шею. Старуха застряла в моей памяти не случайно. Когда мама Надя внезапно и рано постарела, она и старуха стали выглядеть как родные сёстры. Просто удивительно, с какой школярской небрежностью природа перелицовывает людей, которые вдруг становятся отработанным материалом. Может быть, и мамино настоящее лицо, и лицо старухи с выпирающей челюстью носит сейчас кто-нибудь другой.

Ни в какие музеи я с мамой Надей почти не ходил. Думаю, моё присутствие на экскурсиях сильно ей мешало. По-моему, она использовала возможность этих прогулок всего лишь с одной целью: ей очень хотелось с кем-нибудь познакомиться. Но если ей и удавалось подцепить ухажёра, то он сбегал от нас через неделю. От выставки оставался только каталог, и он сразу же получал прописку на полке книжного шкафа, без гарантии быть пролистанным мамы-Надиными руками.

Имелась ещё одна причина, по которой мама Надя предпочитала ходить по музеям без меня. Я очень боялся людных мест, да и сейчас ещё этот страх не изжит. Человеческий термитник вызывает во мне необъяснимую тревогу. Как только мама Надя заметила, что я, попадая в толпу, пугаюсь и перестаю слышать даже собственное имя, она решила запирать меня дома.

Сначала, пока мы жили в коммуналке, за мною присматривали соседи. Рядом с нами обитали две старухи и одна семейная пара с ребёнком. В задачу соседей входило заглядывать ко мне в комнату и проверять, чем я занят. В обеденное время появлялась мама Надя. Она кормила меня едой, которую приносила из больничной столовой, и снова исчезала. Больница располагалась в пяти минутах от дома. Еда была невкусной, но разнообразной, и доставалась маме Наде бесплатно. Я не протестовал, давился и съедал всё, что мне накладывали в тарелку. Оставлять куски не разрешалось.

«В Ленинграде еду не выбрасывают», – говорила наша соседка по коммуналке, и никто ей не возражал, потому что старуха была глухая.

Когда подошла очередь на квартиру, мы перебрались в однокомнатную хрущёвку на улице Верности.

Но в сад я так и не пошёл, поскольку без конца болел. До школы оставался всего год. Мама Надя решила: будет лучше, если я проведу этот год дома.

Уходя на работу, она запирала меня в комнате. Телевизора тогда у нас не было, зато часами я мог пялиться в окно. Жили мы на четвёртом этаже, и закутки нашего двора просматривались так же

отчётливо, как узоры на ковре в маминей комнате. Я наблюдал: вот люди входят в двери парадных и выходят наружу, вот пацаны из дома напротив доламывают старые качели. Вот бабушка моего злейшего врага Ромки кормит приبلудную кошку.

Может, мне было скучно, но я этого не понимал. У одиночества имелся огромный плюс: все богатства маминого книжного шкафа доставались только мне одному. Картины были куда интереснее, чем иллюстрации в детских книжках. Кроме того, в художественных альбомах попадалась даже обнажённая натура, которая уже тогда сильно волновала моё воображение. В общем, я стал настоящим хозяином музея.

Ещё помню альбомы с чёрно-белыми гравюрами. Особенно впечатляли «Гротески» и «Тюрьмы» Пиранези. Головокружительные анфилады и полуразрушенные лестницы, перетекающие друг в друга. Скованные цепями стены, циклопических размеров колонны и потолки, нависающие над пространствами. Казалось, что комнаты, словно каменные рыбы, заглатывают попавшего туда человека. Складчатые желудки раскачивались надо мной даже тогда, когда я отводил взгляд от рисунка.

Я закрывал книгу совершенно измученный.

Гипнотическое воздействие чёрно-белых линий, наверное, и привело меня в УЗИ-диагностику. Когда я работал на сканере, мне казалось порою, что я вижу, как устроено время. Оно серое и колыхается. На самом узком поле экрана своего чёрно-белого УЗИ-сканера я различал мельчайшую градацию серой шкалы, и в тот момент, когда цвет превра-

щался в мысль, мой луч работал точнее, чем самые острые скальпели. Мне казалось, что я вижу объект насквозь – это облекало меня особой властью.

Мне нравилась и моя обособленность, ставшая не только частью работы, но и жизненной привычкой. Никогда меня не тянуло протирать штаны в ординаторских. В большой компании мне становилось тошно, я тупел. Не потому, что я считал других идиотами. Я полагал, что люди, если хотят быть частью общества, вынуждены демонстрировать только самые элементарно устроенные свойства собственной личности. Например, умение есть вкусную пищу с видом знатока. Или болтать о сексе. По молодости мне, как и большинству моих знакомых, приходилось посещать разного толка сборища помимо собственной воли. Прошли годы, и, проведя в людных местах свой срок, я понял, что имею право уйти на воображаемую пенсию и посылать куда подальше всех тех, кто меня раздражает.

Именно эта черта передалась от меня Сашке. Его никогда никто насильно не запирали одного в комнате. Ему было открыто любое помещение. Но меня поражала его привычка самостоятельно закрывать за собой дверь детской, умение отвоёвывать территорию в детсадовской группе, создавать вокруг себя вакуум, сквозь который невозможно было пробиться, если ребёнок не хотел никого видеть. Он с самого рождения умел то, к чему я пришёл годам к тридцати.

МОЯ ПЕРВАЯ БЕСЕДА С Э. Д.

2019

Стукнула дверь. Кто-то вошёл в мою палату.

Я лежал на койке одетый, поджав ноги к животу. Глаза мои были закрыты.

От меня осталась только оболочка. Так бывает, когда в комнате после пожара остаются пустые обгорелые стены. Любое действие, будь то чистка зубов, дорога в сортир (четыре шага от кровати и четыре обратно) или ответы на вопросы – всё давалось мне путём преодоления мучительной слабости. Чтобы произнести слово, усилием воли я заставлял себя собирать все оставшиеся ресурсы. Люди, приходившие в мою палату до Э. Д., пытались разговаривать со мной. Второй день я ничего не ел. Я чувствовал, как жизнь уходила из меня холодными невидимыми потоками: от ключиц, вдоль по рукам до самых пальцев она стекала на больничный линолеум.

Но жаловаться было не на что: я содержался в идеальных условиях. Судя по всему, за меня хорошо попросили. Предоставили отдельную палату с удобствами. За окном располагался больничный двор-колодец; противоположная стена была выкрашена, как и положено в нашем печальном городе, в бледный лимонный цвет, на ней виднелись окна, похожие на моё, а между ними – словно издевательство – обозначались элементы декора: облупленный и выкрашенный заново портик, рельефные балясины. Для Петербурга – вид из окна самый обычный. Если бы не решётки на всех окнах.

Вошедшая в палату пожилая женщина в белом халате поздоровалась со мной, придвинула стул и села.

Седые, убранные назад волосы. Смуглая морщинистая кожа. Руки с тёмными пятнами на кистях. Жемчужная булавка под воротничком.

Для меня она была ещё одним жандармом. Я не собирался её приветствовать.

– Как чувствуете себя?

– Хуже некуда.

– Ваш начальник Андрей Николаевич договорился подержать вас тут некоторое время, пока не уляжется ситуация.

– Ах да. У меня же есть покровитель. Как я мог забыть.

– Появляться на работе нельзя. И возможно, вам в скором времени понадобится медицинское освидетельствование.

– И что вы мне влили? От чего лечите?

– Официальный диагноз ваш звучит как острое обсессивно-компульсивное расстройство¹. Нужно же мне было хоть что-то написать в вашей истории.

– И всё?

– Пока всё. Не делайте такое удивлённое лицо. Против вашей воли вас никто лечить тут не будет.

– Ага, не будете. Как же. Накачаете меня каким-нибудь галоперидолом, чтобы я валялся, как этот... как его. На грядке... Давайте, давайте. Всё равно мне туда дорога.

– Нет. Пичкать вас препаратами нет нужды.

– И зачем вы тогда ко мне явились?

– Будем разговаривать.

– Я не верю во все эти штуки. В психологию, в психоанализ. В бога тоже. Говорю, чтобы у вас было основание меня выпроводить. Или обколоть.

– Сказать честно, я сама с трудом верю в такие вещи, как психоанализ. Тем интереснее моя работа.

– Как можно заниматься тем, во что не веришь?

– А результат?

Молчание

– Так и будете лежать?

Молчание

– Вы хоть бы сели. Всё-таки я вас намного старше, и я женщина.

Молчание

– Вот так-то лучше.

– Давайте прекратим.

– Не могу.

– Осточертели вы мне.

– Мы с вами коллеги. Мы врачи. И вы тоже не бросаете задачу, пока её не решите.

– Это моё личное дело.

– Теперь ещё и моё.

– Терпеть не могу чужих.

– Давайте поговорим, и я перестану быть для вас чужой.

– О чём нам с вами разговаривать-то?

– Расскажите про что угодно. Хотя бы про вашего первого пациента.

– Не помню.

– Тогда про второго.

– И того не помню.

– А того, которого вы лечили лет двадцать назад, помните? У нас у всех со времён ординатуры много занимательных историй и встреч.

– У нас в ординатуру попадали только... непростые ребята, очень. Или богатые.

– Моя ординатура досталась мне именно так, по благу. Мои отец и дед были известными психиатрами. А прадед – ну, назовём его священнослужителем, это будет ближе к истине. Так что вы оканчивали?

– Первый мед, конечно. Был интерном. Потом работал в реанимации.

М о л ч а н и е

– Есть какое-то препятствие, которое мешает вам со мной говорить?

– Кажется, есть.

– Поясните.

– Чёрт... Не знаю. Не могу сказать ни точно, ни приблизительно. Куда-то пропадают все слова. И всё вокруг – словно через мутное стекло.

– И всё-таки вы довольно точно описываете своё состояние.

– Это даётся нелегко.

– Поработайте ещё немного. Можно и не говорить.

– А чего вы от меня хотите, чёрт побери?

- Напишите.
- Зачем? У меня нет такого дарования!
- Будет легче. Запишете – сможете подумать, исправить. Отыскать слово.

М о л ч а н и е

- Попробуйте. Всё равно тратите время даром. Лучше записать историю, чем пить препараты.
- Давно не писал от руки. Уже и забыл, как это.
- Компьютеры в отделении запрещены. Забываете слова? У меня много словарей. Если хотите, завтра принесу.
- Ничего у вас не выйдет.
- А у вас выйдет. Напишите историю. Про вашего первого пациента. Того, которого вспомните, о ком захотите рассказать.
- Не знаю.

ЗАДАНИЕ 1
В ПЕРВЫЙ РАЗ

*Из коробки № D-47/1-ЮХ
1995 г.*

Наутро в отделении всё уже было как обычно.

Стояла тишина: тревожная, душная, кисловатая. Рита ушла в сестринскую и, наверное, спала. А я не спал. Бродил по палате, собирался выйти покурить на улицу. Не дойдя до лестничной клетки, разворачивался. Возвращался в палату и садился за стол.

К двум койкам возле правой стены я подходил ночью раза три; мониторы показывали, что на этом маленьком островке всё спокойно и планоно. Именно этих больных сегодня отгрузят в первую хирургию, ведь по меркам ОРИТа² они считались уже практически здоровыми.

Бабка у окна храпела. Катетер торчал из её бёдер, как стебель из листьев. Всю ночь бабка металась и вопила, словно мозг её был яснее ясного, словно она понимала всё происходящее, – то ли звала кого-то на помощь, то ли прогоняла.

У «моей» пациентки аппарат ИВЛ шарашил будь здоров, поршень ходил вверх-вниз, гармошка растягивалась и сжималась. Сатурация девяносто шесть. Вот то-то же.

После общей летучки заведующий Виктор Семёнович обходил реанимационные палаты. Я передал смену и мог уйти, но болтался в отделении. Я ждал. От нечего делать начал строить башенку из

коробочек с ампулами. Неловко повернувшись, нечаянно задел стойку, и флаконы зазвенели. Заведующий обернулся на шум.

– Что, коллега, судя по всему, ночка была образцово-показательная, – чуть улыбаясь губами с синими жилками, сказал он.

Я развёл руками и, кажется, тоже улыбнулся. Виктор Семёнович взял со стола потрёпанную историю болезни и начал её листать.

КОНЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА